

Ж.К. Адилова¹ , Ш.Б. Сеитова² ¹Евразийский национальный университет имени Л.Н.Гумилева,
Астана, Казахстан²Alikhan Bukeikhan University, Семей, Казахстан
(E-mail: adilova_21@mail.ru, seitovashinar@mail.ru)

История и языковые взаимодействия топонимов Восточного Казахстана

Аннотация. В данной статье исследуются межъязыковые контакты и их роль на этапе формирования топонимической системы Восточного Казахстана – от возникновения древней тюркской и монгольской топонимии до начала XX века, когда оформились основные страты – тюркская (казахская) и индоевропейская (славянская). Основным вопросом статьи стал вопрос о характере отношений этих страт, а именно: как они создавались и какие межъязыковые взаимодействия их формировали, как соотносились эти страты на пути исторического развития языковых коллективов и общества в целом. Ответ на этот вопрос поможет понять современное состояние топонимии региона, позволит выделить в ней живые, динамические области и центры напряжения, требующие актуализации и развития.

В данном исследовании мы будем рассматривать как основные тюркскую (казахскую) и славянскую (в основном русскую) региональную топонимию, которые возникли на определенном этапе, развивались, взаимодействуя друг с другом и вбирая в себя многочисленные иноязычные основы, прежде всего, монгольские.

Региональная топонимия сложилась как единая многокомпонентная система. Материал статьи позволяет сделать вывод о том, что единство топонимической системы Восточного Казахстана было обусловлено самыми широкими межъязыковыми контактами, проявившимися в заимствованиях топонимов и целых групп на фоне русско-казахского и казахско-русского билингвизма.

Ключевые слова: межъязыковые контакты, билингвизм, тюрко-монгольские связи, казахско-русские контакты, топоним, топонимическая система.

DOI: <https://doi.org/10.32523/2616-678X-2024-146-1-8-21>Поступила: 14.06.2023; Доработана: 5. 09. 2024; Одобрена: 23.09.2023;
Доступна онлайн: 29.03.2024

Введение. В современном Казахстане важной не только лингвистической, но и общественной, государственной темой является тема исторического наследия и преемственности, воплощенных в топонимии. Восточный Казахстан был территорией

важнейших географических, экономических, культурных связей, военных столкновений – все это отражается в топонимии региона.

Топонимия Восточного Казахстана формировалась на протяжении многих веков. В ее истории выделяются времена, наиболее глубоко ее преобразившие и оформившие топонимическую картину региона в ее наблюдаемом сейчас состоянии. В качестве таких хронологических рамок можно представить время с XVII в., когда укрепляется тюркская топонимическая система и начинает формироваться славянская, до настоящего времени, до взаимодействия разных по природе топонимических подсистем в богатой топонимии региона.

Описывая историю и языковые основы современной топонимии Восточного Казахстана (сейчас – Абайской и Восточно-Казахстанской областей), сложно установить нижнюю границу, а именно точку отсчета в этой истории. Это связано как с этнографической пестротой региона в прошлом и настоящем, так и с миграционными процессами на этих территориях, которые, видимо, сметали топонимические вехи и приносили новые топонимические маркеры и новые принципы номинации. Кроме того, ранняя история региона, а тем более топонимия дописьменного периода слабо изучены и вряд ли могут быть восстановлены хотя бы с относительной полнотой.

Результаты длительных межэтнических контактов, протекающих в условиях региона, находят отражение в различных языковых формах и, прежде всего, – в полиязычности топонимии.

Цель исследования – осветить взаимодействие топонимических систем, которые рождались на территории Восточного Казахстана в корреляции с определенными историческими событиями и экономическими и политическими образованиями.

Объект исследования – топонимы Восточного Казахстана.

Предмет исследования – рассмотреть обусловленность топонимических систем региона историей человеческих сообществ, живших на этой территории, отметить межъязыковые контакты и взаимодействия, которые оказали влияние на формирование региональной топонимии, представить современную региональную топонимическую систему как результат ранних исторических общественных и межъязыковых процессов.

Актуальность проблемы межъязыковых контактов в топонимии обусловлена тем, что топонимия, принадлежа языку, всегда открыта влиянию экстралингвистических факторов – социально-политических, экономических, географических, национальных, религиозных, мировоззренческих, идеологических, морально-этических, психологических и др. В этом смысле топонимия всегда актуальна и соответствует состоянию того общества, которое она обслуживает. Поэтому в эпоху перемен топонимия, как общество в целом, испытывает давление тех или иных тенденций, в ней возникают напряженные точки, в которых создаются новые, уходят в прошлое устаревшие связи и топонимические единицы. Топонимию можно назвать лакмусовой бумагой общественных перемен, а в какой-то мере – отражением тенденций в обществе.

Материалы и методы исследования. Методологическая основа данного исследования – представление о топонимии региона как исторически сложившейся, диалектически развивающейся динамической системе. Основными методами работы послужили описательный на основе наблюдения, сравнительный и сопоставительный, а также различные методики этимологического и морфологического анализа. Материалом исследования послужили топонимы различных семантических групп и типов, называющие географические объекты Восточного Казахстана. Источники исследования составили исторические документы и сочинения географического, исторического, экономико-статистического, краеведческого содержания, отражающие топонимию Восточного Казахстана. Корпус топонимов, привлеченных к исследованию, включает как современную топонимию, так и историческую, относящуюся к различным хронологическим периодам. При этом широко привлекались картографические данные и архивные материалы (списки населенных мест, дела статистического бюро Семипалатинской губернии, материалы сельскохозяйственных переписей и т.д.).

Обзор литературы. Теория языковых контактов и межъязыковых взаимодействий имеет длительную историю и самую обширную литературу, из которой отметим труды, касающиеся топонимических аспектов данной проблемы. Это труды У. Вайнрайха [1], В.Н. Ярцевой [2], А.Е. Карлинского [3], Е.А. Керимбаева [4], А.М. Щербака [5], К.К. Рысбергеновой [6], Г.Б. Мадиевой [7] и многие другие. Это также статьи, в которых излагаются проблемы языковых контактов и заимствований [8; 9]. Языковым контактом будем считать факты и процессы взаимодействия языков в языковом сознании индивида или в языковом сообществе. В топонимии языковые контакты проявляются в формировании в топонимической системе ареалов и страт, происходящих из разных языков, а также в заимствовании, переименовании, переосмыслении и переводе топонимов.

Результаты исследования и обсуждение. Охватывая в работе многовековую историю региональной топонимии Восточного Казахстана в одном из ее аспектов – межъязыкового контактирования, мы неизбежно оказываемся перед проблемой периодизации. А так как состав языков на данной территории всегда составлял многокомпонентное сложное образование, направления и тенденции их взаимодействия динамически менялись, мы можем в самых общих чертах представить этот процесс как состоящий из трех главных этапов – раннего, среднего и позднего. Ранний этап – от возникновения топонимии региона до второй половины XIX в. и начала XX в.; средний – советское время, с 1917 г. до конца XX в.; поздний начинается с рубежа XX – XXI вв. и продолжается в настоящее время.

Издrevле юго-западные просторы Сибири, степи и предгорья Алтая были заняты кочевыми тюркскими и монгольскими племенами. Поэтому топонимия региона состояла из тюркских и монгольских топонимических основ. «Примерно с середины XV века начинается качественно новый этап во взаимоотношениях казахских и монгольских племен, который можно назвать ойратским или ойратско-джунгарским. Хронологические рамки определяются временем установления систематических контактов ойратов с казахами в середине XV века и временем падения Джунгарского ханства в 50-х годах XVIII века. Тесные взаимоотношения с монголызычными ойратами, продвинувшимися еще в конце XVI века в Восточный Казахстан и в XVII веке занявшими важное место в политической жизни Казахских ханств, оставили глубокий след в казахском языке» [9, с.3-4].

Особую роль для исследований топонимии региона, наряду с историческими и географическими трудами, отчетами служивых людей, купцов и торговцев, играют статейные списки послов. Статейный список – это подробный отчет послов, направленных царем к иностранным дворам, в котором фиксировались все действия посольства с точным указанием времени и места.

Так, в 1654-1657 гг. Федор Исакович Байков, русский государственный деятель, боярский сын, пожалованный в московские дворяне и служивший воеводою в сибирских городах Таре и Мангазее, был послан царем Алексеем Михайловичем в качестве предводителя первой русской посольской миссии к маньчжурскому императору. Несмотря на дипломатическую неудачу экспедиции, она имела важное историческое и научное значение. Путешественники до города Канбалык, как в то время назывался Пекин, прошли около двух десятков городов и других населенных пунктов, множество местностей, рек, озер и горных перевалов, благодаря чему был установлен и описан путь в Китай [10]. По статейному списку Ф.И. Байкова, фиксировавшему все основные пункты следования царского посланника на пути в Цинскую империю, можно восстановить топонимию, изучить ее формирование и языковые контакты, отразившиеся в этом процессе. Путешествие экспедиции Ф.И. Байкова шло водным путем от Тобольска и Тары по Иртышу до местечка Белые Воды, видимо, последнего из освоенных к тому времени русскими пунктов на этом направлении из Сибири в Китай. От Белых Вод проходил сухопутный отрезок экспедиции Байкова [10; 11; 12].

Так как основной задачей экспедиции было установление посольских и торговых связей с Китаем, а также изучение географии сухопутного пути из Сибири в Китай, в статейном списке точно отражаются детали заселения и освоения земель, определяется

этнически-племенная и языковая принадлежность населяющих эти земли людей: *А живут тут калмыцкой лама подле Иртыша на левой стороне; А в степи калмыки аблаевы кочевные ж; А от пашенных бухарцов до Аблая-тайши ходу день; А шли возле тое иртышской вершины до мунгальских людей 5 дней. А у мунгальских людей язык с калмыками один, а тайши у них многие; А от тех мунгальцов через камень ходу 2 дня, ни воды, ни корму нет* [11].

В Прииртышье и предгорьях Алтая проживали кочевые калмыки, монголы (мунгальские люди), «пашенные бухарцы», которых захватил во время войн Аблай-тайша, принадлежавший к крупному аристократическому роду ойратов, и поселил в своих улусах, используя их труд в земледелии.

Характерно, что Байковым тщательно отмечены ойконимы и потамонимы, которые он узнает от сопровождавших экспедицию монголов, прежде всего - от Аблай-тайши. Горы, еще почти неизвестные путешественникам, названы одинаково - Камень, в том числе и великая гора, на которой лежат вечные снега: *«А от речки Кара-кучир до Камени ходу день; а на том Камени лежат снеги великие. А калмыки сказывают: никогда-де те снеги не сходят; а от того Камени до Контайшина городка ходу три дня»* [11]. Озера и иртышские долины с многочисленными притоками – речками и ручьями - тоже еще не имеют названий у Байкова: *Возле Иртыша шли две недели: Иртыш остался вправо, вверх пошел в россыть мелкими речками; а про то подлинно не ведомо, из каких мест пошел* [11]. Хотя топоним Иртыш, видимо, был унаследован тюркскими и ойратскими сообществами из топонимии автохтонных племен.

Основная масса приводимых Ф.Байковым топонимов, относящихся к восточным землям Казахстана и смежным регионам – монгольской природы: местечки Кабан-Гусан, Долон-Карагай, Камень-Калма, речки Енкуль, Карбуга, Дзонму-Дун, Чогуляк, Темир-Чюрга, Каракучир, Саахан (бур. Сагаан «белая», монг. чаган/цагаан «белый») [13; 14], город-крепость и монастырь Аблайкит, который в это время строил Аблай-тайша и который получил название по имени своего основателя, город Кокотан (Хуху-хотон), Капка, «заставной город», Баян-Сума, Канбалык, Боронтала (место пребывания Далай-Ламы); или тюркской: речка Алач (алаш «низкое вытянутое место, низина»), Ямыш-озеро (от древнего корня йам «впадина, низина, углубление, пах у животного»; возможно - от тюрк. и финно-уг. антропонима, личного имени Ямаш, Ямыш) [15], речки Чар, Бешка [11].

Ряд топонимов не поддается точной дифференциации в силу тесных межъязыковых тюрко-монгольских связей: речка Тюлка (каз. түлкі; калм. кирг.бур. түл приплод, молодняк.← др.-тюрк. töl детёныш) [13; 14], озеро Кизылбаиш (тюрк. кизыл, кызыл «красный», бас – «голова, вершина, исток»), Абуга (абага/аба – этноним, подразделение керейского племени абак-кереев).

Один из главных процессов языковых контактов – заимствование. Заимствование топонимов происходит тогда, когда в языке ощущается необходимость назвать новые объекты действительности. При переселении народов и освоении новых территорий такая необходимость приобретает глобальный характер: человеческое сообщество оказывается в новом регионе, еще не изученном и не освоенном. И первый этап освоения, вслед за восприятием и первичным топографическим объяснением, – номинация.

Язык пришельцев подготовлен к заимствованию фрагментов чужой топонимии, потому что обычно он появляется на территории с уже сложившейся топонимией. Процесс номинации в топонимии – это один из этапов выделения из общей сложной картины мира и познания отдельного географического объекта, определения его места в действительности, описания его свойств и возможностей обращения с ним, включения его в круг своей жизнедеятельности, а также поиск и нахождение места для соответствующего образа и понятия в топонимическом пространстве и в картине мира. Поэтому пришельцы, взаимодействуя с миром и уже существующими в регионе сообществами людей, так или иначе будут учитывать опыт познания этого мира предшественниками. Особенно это касается исследования и названия основных, наиболее крупных или функционально значимых географических объектов. Как правило, такими важнейшими географическими

объектами становились крупные озера, реки, горы и горные цепи, хребты, обширные пространства, которые составляли наиболее отчетливую координатную систему, так или иначе подвергались хозяйственному освоению. Это ранняя тенденция в топонимии Восточного Казахстана. Она проявилась в том, что названия наиболее крупных рек в регионе (*Иртыш, Уба, Ульба, Бухтарма*), пространств и горных систем (*Алтай*) сейчас не имеют однозначного объяснения и восходят этимологически к корням автохтонных языков (древних тюркских, иранских или енисейских, прежде всего кетского, языков).

Потом язык-пришелец, формируя собственное топонимическое пространство, заполняет имеющиеся топонимические лакуны, что позволяет воссоздать непротиворечивый целостный образ пространства, исследовать и накапливать информацию о географических объектах. Это мы наблюдаем на примере русского языка с начала XVIII в., когда в Прииртышье появляются русские поселенцы, сначала немногочисленные охотники, рудознатцы, искатели драгоценностей древних курганов, беглые крестьяне. На востоке искали спасения раскольники, когда после церковных реформ патриарха Никона, Большого Московского собора в 1667 г. и издания законов 1685 г. о преследовании и наказании старообрядцев, казней их наставников, сожжении древних книг, разорении северных древних монастырей, Тобольск и Тара стали центрами, где оседало такое население. На Алтае возникали скиты старообрядцев и появлялись поселения раскольников, которых стали называть «каменщиками», то есть живущими, укрывающимися «в камне», в горах.

Казахско-русские языковые контакты активно развиваются в это время. Влияние казахского языка на говоры русских первопоселенцев прослеживается как в прямом заимствовании слов и корней, так и в опосредованном воздействии на систему в целом, в имманентности тюркского элемента в русской топонимической системе. И то, и другое могло быть особенно активным при расширяющемся русско-казахском билингвизме.

В отношении тюркского влияния на русский язык XVIII в. показательны формы продуктивных в то время деривационных типов. Так, модели топонимов на *-иха, -уха* очерчивают в Восточном Казахстане и на Алтае вполне определенные ареалы, давно отмеченные в топонимике и совпадающие с районами первопоселенцев-раскольников [17, с.78]. Диалектологи также отмечают широкое использование этих формантов в говорах русского Севера (Архангельская, Вологодская, Костромская губернии, Пермская земля, Белозерье) и распространение их в начале XVIII в. на Урал [18]. Учитывая то, что наиболее ранние случаи переселения русских прослеживались с северных территорий, особенно под действием раскола и последующего преследования староверов, можно считать топонимы на *-иха, -уха* маркерами говоров первопоселенцев, относящимися к наиболее старым русским топонимам Восточного Казахстана. Сохранившиеся топонимы на *-иха* в основном сосредоточены в Шемонаихинском районе. Они называют горы (*Байчиха, Боярчиха, Бузаниха, Бураниха, Зайчиха, Зимиха, Кайгородчиха, Камениха, Карагужиха, Коновалиха, Кочиха, Лебедиха, Лукьяниха, Луниха, Медведиха, Морозиха, Мульчиха, Омелиха, Шемонаиха, Шимчиха, Шкодиха, Юдиха*), реки (*Белянчиха, Беркутиха, Снегириха, Бражиха, Бурчиха, Бушариха, Величиха, Волчиха, Гузнобрычиха, Долганиха, Затериха, Кокориха, Кулебачиха, Лосиха, Лоскутиха, Маралиха, Медведиха, Обдериha* и др.), ручьи (*Лосиха*); образуют устойчивые пары и ряды топонимов: ороним – гидроним, гидроним – ойконим, ороним – гидроним – ойконим (ороним *Шемонаиха* – гидроним *Шемонаиха* – ойконим *Шемонаиха*). Среди таких топонимов значимую часть составляют производные от тюркских, а также от монгольских основ, освоенных тюркскими языками и заимствованных в русский через посредство тюркских языков: *Беркутиха* – тюрк., чагат. *börküt* казах. *Bürküt* «беркут, орел» [20, с.157];

Бураниха – каз. *boran*, монг. *borigan*, калм. *boran* «ураганный ветер с метелью» [20, с.243]; *Бурчиха* – каз. *burk* «шум» [20, с.249]; *Карагужиха* – каз. *Карақожа*, алт. *Кара-Куш, Карагуш* алт. *каракуш* – «орел», возможно также *Кара-Куш* – личное имя; ср. в тув. *кара-куш* – «глухарь». См. в тув. топонимии: р. *Кара-Куш*» [21, с.208]; *Кулебачиха* – каз. *Келебе* этнопоним; возможно, *Кол-Баш*, ср.: *Кол-Баш-Каяу* р. от алт. кол «озеро», баш «вершина, исток» [21,

с.233]; *Маралиха* – монг. *maral* «самка оленя», чагат., каз. *maral* – то же [20, с.571]; *Мульчиха* – ср.Мулты, *Муйлету* – р., п.п.Катуни, г., н.п., а также *Мултинское* озеро; монг. *мойлт* – имеющий черемуху, с черемухой [21, с.267]; *Паршиха* – алт. *Пар-чик* р., мыс, баарчык «скворец» [21, с. 143]; *Шадруха*, урочище и кордон в Бескарагайском р-не Абайской области - *шадра* «рябинки, оспинки», возводится к тюрк.-гат. *sadra* «рябой»; *Шильчиха* – каз. *шилик* «ивовые заросли, ивняк» [25, с. 253].

Рассматриваемая группа топонимов широко представлена в трудах путешественников и исследователей, оставивших подробные описания Восточного Казахстана. Особого внимания здесь заслуживает труд К.Ф.Ледебура, А.А.Бунге, К.А.Мейера «Путешествие по Алтайским горам и джунгарской Киргизской степи», написанный в 1826 г. и отразивший топонимию первой половины XIX в. Среди известных нам есть многочисленные не дошедшие до нас гидронимы и оронимы на *-иха*, *-уха*, проявляющие этимологические связи с тюрко-монгольскими корнями: *Бутачиха*, *Каслуха*, *Сапчиха*, *Васкакуха* и др. Эти факты свидетельствуют о тесных связях русской топонимии Восточного Казахстана с исходными иноязычными топонимическими системами.

Характерный для XVIII и начала XIX в. всплеск топонимической активности формантов *-иха*, *-уха* позже, во второй половине XIX в., сменился заметным спадом продуктивности. Спад был обусловлен конкурентным давлением других аффиксов, семантически более дифференцированных, что для топонимии сделало новые модели более предпочтительными. Поэтому можно утверждать, что суффиксы *-иха*, *-уха* – это свидетельство о ранних заимствованиях ограниченного периода – с середины XVIII до середины XIX века, когда использование этих суффиксов в образовании новых топонимов сходит на нет. Во всяком случае, для топонимии Восточного Казахстана это можно утверждать вполне обоснованно, поскольку архивные данные сельскохозяйственных переписей четко доказывают эту тенденцию. Так, нами были проанализированы материалы переписей как общероссийских, так и региональных (волостных), прежде всего – сельскохозяйственных [24]. Хронологическая перспектива свидетельствует о том, что топонимы на *-иха*, *-уха*, появившиеся при первичном заселении Алтая и приалтайских территорий русскими преимущественно из северных губерний, в дальнейшем проявляют стабильность в сложившейся системе, однако новых производных топонимов рассматриваемая модель уже не порождает. Следовательно, эти модели отразили межъязыковые тюрко-славянские связи с XVIII до второй половины XIX века. Вовлечение тюркских корней в русскую топонимию и в производную лексику говорит о длительности межъязыковых контактов, а также о том, что тюркский компонент сыграл важнейшую роль в оформлении русских топонимов региона.

Опосредованное влияние межъязыковых контактов на топонимию можно проследить в формировании такого искусственного топонима, осложненного фольклорными традициями и философско-религиозными концепциями, как Беловодье. О Беловодье писали многие известные писатели Алтая и Западной Сибири: Г.Д. Гребенщиков, А.Е. Новоселов, Вс. Иванов, многие деятели культуры, например, художник Н.К. Рерих, который отождествлял Беловодье с легендарной Шамбалой (в переводе «белый остров»), краеведы А. Белослюдов, Н.Я. Коншин, Н.М. Ядринцев, ученые проф. Е.Ф. Шмурло, Е.М. Бломквист, Н.П. Гринкова и др.

Беловодье появляется в легендах о земле обетованной. К.В. Чистов, исследовавший легенды о Беловодье, определяет его так: «Беловодье – вольная, плодородная земля; в нем скрываются от «начальства», а не от мира, бегут не от людей, а к другим людям, которые живут там так, как хотелось бы создателям легенды» [22, с.317]. Если исходить из прозрачной внутренней формы топонима, то ясно определяется деривационное отношение: *Белые Воды* – *Беловодье*, поддерживаемое другими славянскими топонимами этого типа: *Белозерье*, *Белогорье*, *Белополье*, *Белоречье*. Причем *белые воды* здесь – не только «чистые, светлые, прозрачные, открытые» в прямом значении, но и в метафорическом «священные, святые, непорочные, не запятнанные, связанные с божественной природой».

Как считает К.В. Чистов, географически Беловодье понималось староверами как земля на островах где-то на востоке, за китайской границей, возможно, в Индии, куда стремились в поисках священного места радетели древней православной веры. Заключения были сделаны К.В. Чистовым, основываясь на списках XIX в.

Если принять во внимание, что староверы, вероятно, с конца XVII – начала XVIII вв. стремились уйти от «мира», погрязшего в грехах, в необжитые земли Алтая, в «камень», и здесь создавали поселения единоверцев, устраивая свою жизнь по заветам старой веры, то картина представится несколько иной.

В литературе о старообрядчестве встречаются значительно более ранние временные рамки появления легенды о Беловодье – XVIII и даже XVII вв. Как бы то ни было, начало легенды о Беловодье, видимо, следует искать в переселении русских крестьян, особенно старообрядцев, в этот вольный край, где нет никонианской церкви, священников, царя и чиновников, преследующих за веру и обложивших низшие сословия непосильными податями.

Доказательством, связанным с топонимией, может служить тот факт, что формы, указывающие на прямую и метафорическую семантику «белых вод», до сих пор чрезвычайно распространены в алтайском регионе: реки *Белая Уба*, *Белопорожная Уба*, *Белая Берель*, *Белая Криница*, озеро *Белое*, горы и урочища *Белый Камень*, хребет *Белок*.

Вероятно, у старообрядцев первоначально возникли широкие представления о Беловодье как о свободном крае, лежащем за границами преследовавшего их государства. В период ранних переселений на восток, в XVII-XVIII вв., это были степи и горы Казахстана и юго-запада Сибири.

Значим и исторический факт: путь от Тобольска и Тары по Иртышу, а затем посуху на юг был хорошо известен и использовался для связи с тюркскими, монгольскими и китайскими землями и государствами. Одним из пунктов, в котором останавливалось посольство Ф.И. Байкова на своем пути в Цинскую империю в 1654 г., было урочище Белые Воды, описанное в статейном списке и отмеченное в районе Ямышевского соленого озера. Так же называлась протока Иртыша, находившаяся недалеко от того места, где торговые караваны сворачивали с водного пути на сухопутный к Ямышевскому озеру [12]. Спафарий следующим образом объясняет происхождение этого названия: «А Белые воды словут для того, что протока течет из Иртыша быстрая, а вода в ней белая» [12].

Если учесть, что тюрко-монгольский топоним *Аксу* также является одним из самых распространенных в Прииртышье и Юго-Западном Алтае (так названы многочисленные реки и озера), то можно констатировать универсальную семантику, мифологему, имеющую широкое распространение в языках и культурах разных народов, населявших этот регион.

Анализ изменчивой географической локализации Беловодья позволяет представить следующую схему продвижения ее на восток, за пределы известных границ: в середине XVII в. – Среднее Прииртышье и предгорья Алтая; в первой половине XVIII в. – Алтай, округ Кольвано-Вознесенских заводов; во второй половине XVIII в. – долины Бухтармы и Уйма; в первой половине XIX в. – границы Восточного Казахстана с Китаем; в середине и второй половине XIX в. и в начале XX в. – территория Китая, Монголии, Индии и Японии.

Эту точку зрения высказывает А.И. Мальцев: «Происхождение легенды о Беловодье напрямую связано с колонизацией земель по берегам Бухтармы... Во 2-й пол. XVIII в. земли по берегам Бухтармы назывались Беловодьем. Присоединение Бухтармы к России, по-видимому, обусловило перенесение понятия Беловодья дальше на восток и появление Беловодской легенды в том виде, который известен по «Путешественнику» и слухам о Беловодье, циркулировавшим в XIX в.» [23].

В XIX в. верующие были вовлечены в поиски Беловодья. Эта сила поднимала и поселенцев предгорий Алтая, которые, казалось бы, уже нашли здесь благословенный край Беловодья, но жизнь и здесь открывала свое несоответствие ожиданиям – и волны людской миграции устремлялись на восток в новых поисках Беловодья. В развитии легенды заметную роль сыграли этноязыковые контакты с тюркскими этносами, населявшими земли Восточного Казахстана.

Топонимия, связанная с казачьими укреплениями и поселениями Иртышской линии, также формировалась с начала XVIII в. в условиях влияния тюркских и монгольских языков. Казачье войско было организовано с использованием различных людских ресурсов. Основу первоначально составляло городское казачество Западной Сибири – из Тары, Тобольска, Оренбурга и других городов. Потом войско пополнялось донскими, запорожскими и яицкими казаками, а также в казаки записывали разночинный люд – посадских людей, крестьян из разных земель, команды башкир и татар-мещеряков. Поэтому среди казаков многие были тюркоязычными, а среди славян было распространено владение тюркскими языками. Это подготовило почву для языковых контактов в области топонимии и обширной сферы заимствований. Так, среди ранних заимствований – топонимы монгольского происхождения: станица *Долонская* (монг. *долон* этноним), *Баты* (ойрот. *бат* – «войти; зайти, закатиться, о солнце»), *Больше-Нарымское*, *Мало-Нарымское* (монг. *нарын*, *нарым* «тонкий, узкий; о реке: узкая река, протока, сухое русло»), *Алтайское* (*Алтай*: общепризнанной этимологии нет, слово встречается в тюркских и монгольских, ойротских именах собственных, как в антропонимах, так и в топонимах; в ойротском языке имело семантику, связанную с горной системой Алтай и регионом, а также мифологическое содержание: высший дух, господствующий в средней сфере, на поверхности земли), *Малая Буконь* (река, левый приток Иртыша), *Урульское* (алт. *Ырыл* – р., г.: урыл «раздаться, разделиться, о земле»; возможно также тюрк. *уруль* «заслон») [21; 25], гидронимы, также заимствованные через посредство тюркских языков: *Уба*, *Ульба*, *Шульба*, *Бухтарма* – названия поселков *Убинский*, *Шульбинский*, *Ульбинский*, *Усть-Бухтарминский*. Среди названий казачьих крепостей, поселений и укреплений (форпостов, станцев, маяков, избушек) – многочисленные казахские топонимы, а также тюркские и монгольские слова, воспринятые через посредство казахского языка: *Актюба* (*ак* – «обильная трава», *тобе* – «макушка горы, сопка») [25, с. 26], поселок *Баян-Аульский*, *Джеландинский* (*жылан* «змея»), *Каркаралы* (этимология неясна, возможно, от *қарқара* «высокий женский головной убор»), *Кокпекты* (по названию растения *кокпек*) [24]. Часто тюркский корень приобретал славянские морфологические показатели и дистрибутивные возможности в новой топонимической системе: форпост *Ачаирский*, станция *Изылбашская*, форпост *Черлаковский*, станция *Татарская*, станция *Урлютюбская*, поселок *Качирский*. Казачья топонимия отличается тем, что она строилась на разных языковых источниках, длительное время, в течение двух веков, вырабатывая особые принципы называния, ведущим из которых стала проницаемость для слов и топонимических корней исходной тюрко-монгольской топонимической системы. Заимствованные топонимы использовались как в освоенном (*Больше-Нарымское*, *Мало-Нарымское*, поселок *Долонский*), так и в неосвоенном виде (город *Каркаралы*, поселок *Кокпекты*, *Баян-Аул*, *Баты* и т.д.). Причем появлялись и допускались варианты: поселок *Долон* или *Долонь*, поселок *Долонский*, станица *Долонская*. В итоге такая топонимия определяется также многообразием словообразовательных типов и форм: однословных, сложных и составных названий (*Ачаир*, *Джеландинский*, *Усть-Бухтарминский*, *Малая Буконь*).

В казачьей топонимии заметно исключительно многостороннее влияние – не только тюркское, но и славянское, например, заимствования из украинского или польского языков: станция *Пяторыжская*, форпост *Осморыжский* (*Осьморыжский*). В исторических документах встречается объяснение: укрепления получили свои названия от высоких берегов Иртыша, которые здесь называются *яры* и *рыжки*; станция *Пяторыжская* находится на пятом яру, а форпост *Осморыжский* – на восьмом. Слово *яр*, обычное для местных диалектов и местной топонимии, встречается в названиях укреплений Иртышской линии: *Красный Яр*, *Черный Яр* – поселки *Черноярский*, *Красноярский*. Однако слово *рыжки* и *рыжко* отмечается только в донесениях и других документах казачьих соединений: *урочище Пятый рыжко*. После польского восстания во второй половине XIX в. на линию попадали польские ссыльные и военные. Возможно, с этим связаны такие польско-украинские вкрапления в местную топонимию (ср. также название древнего города Вольнской губернии *Чарторыйск* -

Чарторыжск от *чарторыескъ* «водоворот» и польскую аристократическую фамилию *Чарторыйские - Чарторыжские* с тем же корнем *рыи-рыж*, польск. *rus*, укр. *рыж* «большой, гигантский порог на реке»). Поскольку в Сибирское войско и на Иртышскую линию переводили воинский контингент из разных губерний Российской империи, казахи воинские соединения приносили с собой и весьма пестрые топонимические названия мест исхода, что отразилось в названиях поселков Иртышской линии: *Кубанский, Азовский, Таврическое, Донское*.

Таким образом, наиболее существенное системное влияние тюркской и монгольской топонимии на русскую отмечается на ранних этапах формирования, когда в связи с возникновением поселений старообрядцев, беглых крестьян, а также строительством Иртышской линии крепостей, среди первопоселенцев и казаков развивался русско-казахский билингвизм, а в русскую диалектную речь хлынули многочисленные заимствования. Эта тенденция, оформившаяся в XVIII и первой половине XIX в., только крепла и развивалась во второй половине XIX в., и в начале XX в.

Во второй половине XIX в. началось массовое крестьянское переселение на казахстанские земли, связанное с земельной реформой. В Восточном Казахстане эти процессы происходили особенно активно в начале XX в., хотя столыпинская реформа в других регионах началась ранее. Земли кочевников были объявлены государственной собственностью, а так называемые свободные земли поступили в распоряжение Переселенческого комитета. При этом слабо учитывалась специфика традиционного родового землепользования и кочевого хозяйства казахов. Для переселенцев отводились земли, вовлеченные в кочевое или полукочевое хозяйство местного населения. Происходил переход казахского населения к различным формам оседлого и смешанного хозяйства. Переселенческим комитетом проводилось, параллельно с выделением земли крестьянам-переселенцам, предоставление кочевникам фиксированного надела на правах постоянного землепользования.

Все это меняло облик региона и традиционный топонимический ландшафт. Образуется новая славянская, в основном русская, топонимия региона поздних поселенцев. В отличие от топонимии русских первопоселенцев XVIII-XIX вв., органично включавшей факторы межъязыковых контактов как естественную основу топонимической системы, новая топонимическая подсистема слабо или поверхностно связана с топонимией коренного кочевого населения. В основном преобладают поселения сельскохозяйственного типа: села, деревни, поселки, хутора и заимки. Культура землепользования переселенцев имеет мало общего с культурой землепользования кочевого населения. Поэтому в Восточном Казахстане в это время сосуществуют слабо связанные топонимические подсистемы – тюркская топонимия и топонимия поздних переселенцев из различных регионов европейской России. Необходимость землеустроительных работ Переселенческого комитета, направленных на обеспечение земель как коренного населения, так и пришлого, отражается в своеобразной параллельной номинации, когда используются черты топонимии кочевого хозяйства, с его территориально-родовыми принципами, и особенности русской топонимии по сельскохозяйственным поселениям. Это проявляется в существовании тюркских топонимов, называвших села с преобладающим нетюркским населением, например, *Терекчи, Каскыр-Алгак, Кос-Кудук, Кара-Кудук, Кара-Чилик, Добал-Чилик, Чилик, Учкаиин, Чуйгул, Кось-Ерич, Кара-Су, Тырт-Кудук* (с населением – украинцы), *Баутал, Булат-Коеган, Шалды-Бидаик, Бидай-Кудык, Кугалы, Кандыкуль, Кызыл-Дау, Койчубай, Малалы, хутор Чалкар, Кургуль* (с русским населением). Некоторые ойконимы, называющие немецкие поселения, отличаются тюркскими региональными основами, по названию урочищ: *Кара-Чилик, Джел Кудук* (из тюрко-монгольской топонимии «источник, расположенный в голой местности, на равнине»).

В переселении участвовали разные по этническому признаку люди, села, общины и коллективы, что нашло частичное отражение и в названиях поселений. Так, в Семипалатинской области отмечены населенные места не только русских, но и украинцев

(Краснокуцкий, Богодуховка, Дружковское, Образцовка, Горностаевка, Королевка, Ново-Петровка, Соломянка, Павловка, Ярославка, Романовка, Тарасовский, Звенигородка, Петровка, Красиловка, Добромысловка, Сахновка), белорусов (села Красноозерское, Краснорецкое), болгар (села Камалы), татар, мордвы (поселок Мордовский, Марьяновка), немцев, голландцев. Однако этнические особенности населения редко подчеркиваются в ойконимах (Украинское, названия хуторов *Немецкая №1*, *Немецкая № 2* или *Немецкая колония*). Населенные пункты с преобладающим немецким населением в начале XX в. в основном имеют славянские названия, хотя отдельные топонимы были даны по фамилиям переселенцев: заимка *Титель*. Единичны ойконимы, основанные на ассоциативной семантике имени нарицательного, например, название поселка Семипалатинского уезда *Чудак*: человек иной национальности характеризуется как чудак, то есть ведущий необычный для местного населения образ жизни. Такие имена собственные могут обладать богатой коннотацией, основанной на семантике и ассоциациях, однако как топонимы они не обладают жизнеспособностью.

Топонимия региона активно пополняется за счет взрывного роста ойконимов, называющих как крупные поселения, так и появляющиеся с ростом сел небольшие поселки, деревни и заимки.

Переселенцы активизировали номинацию на основе антропонимов, имен людей, в основном мужских: *Николаевка, Леонидовка, Васильевка, Тихоновка, Ивановка, Ново-Ивановка, Владимировка, Борисовка, Аввакумовка*, реже – женских: *Наталино, Еленовка, Татьяновка, Ириновка*; на основе фамилий: *Строгановка, Медведевка*.

Переселенцы привнесли в славянские пласты топонимии Восточного Казахстана новые принципы номинации: 1) названия по этническим признакам и национальности населения: *Славянский, Украинский*; 2) по названиям мест первоначального жительства переселенцев – населенных пунктов центральных и южных губерний: *Новороссийский, Ново-Кавказский, Кубанский, Екатеринославка, Каховка, Золотоноша, Ново-Киевка, Полтавский, Львовское, Ново-Астраханка*, ср. также немецкие поселки: *Орловский, Чистополь, Любомировка, Грабово, Луганск, Недаровка, Софьевка, Розовское, Раевка* в Павлодарском уезде Семипалатинской губернии; 3) по географическим характеристикам местности и географическим объектам, существенным для земледелия: *Холмы, Веселый Клин, Малые Березки, Веселая Роцца*; 4) по расположению в соответствии со сторонами света: *Северный, Восток*; 5) конфессиональные ойконимы, связанные с христианскими религиозными праздниками и сооружениями: *Церковный, Сретенка, Богодуховка, Богословка, Богодаровка, Рождественское, Преображенское, Успенка, Белоцерковка, Святокрестовский, Новоспасский*; 6) на рубеже XIX-XX веков появилась тенденция к положительной, комплиментарной номинации новых населенных пунктов: *Приветное, Милорадовка, Прелестный, Светличный, Новый Мир, Благодатный*.

Для рассматриваемого периода характерно появление гибридных названий, совмещающих корни и форманты разных языков, тюркских и славянских: *Аксуйская-Чидертинская, Солдат-Агац, Чекан-Богатырь*.

В связи с политическими событиями, демографическими сдвигами, хозяйственными, промышленными переменами двадцатого века многие из перечисленных ойконимов не сохранились. Однако они сформировали новые топонимические страты, привнесли новые тенденции в номинацию, активизировали определенные словообразовательные средства.

Заключение. На ранних этапах взаимодействия тюркской (казахской) и славянской (русской) топонимических систем можно было бы ожидать их внутреннюю замкнутость и обособленность. Причины топонимической обособленности могут быть экономическими (разные системы и принципы хозяйственной жизни – кочевого скотоводческого хозяйства и оседлого, земледельческого), политическими, культурными, языковыми, конфессиональными. Тем не менее, заключение об обособленности будет верным лишь отчасти: сосуществование этих топонимических систем в одном регионе создало основания для их тесных контактов, а общая история закрепляла результаты сложившихся системных связей.

Наблюдение над языковыми контактами в топонимии показывает, что на рубеже XIX–XX вв. в Восточном Казахстане действует тенденция к объединению разных страт в общую топонимическую систему. Хотя на разных участках была различная степень агломерации: так, например, в гидронимии произошло объединение древних иранских, енисейских, монгольских, тюркских и славянских топонимов. Как можно заметить, объединению в общей системе топонимии поддаются названия природных объектов – гор, сопок, рек, ручьев, озер и т.д. Конечно, в многоязычной топонимии есть участки, которые принципиально не поддаются объединению и остаются национально специфичными. Что в национальной топонимии обычно не затрагивается иноязычными отношениями и становится закрытой топонимической подсистемой? Конечно, это такие подсистемы, которые связаны с религией, национальным менталитетом, топонимы, отражающие национальную историю, выражающие национальные духовные ценности. Для казахской топонимии Восточного Казахстана, особенно Прииртышья, характерна многочисленная группа названий исторических сооружений, старых кладбищ и других ритуальных мест и объектов. Такие топонимы сохраняют древнюю историю, обычаи и легенды.

Существование в истории и контактирование на одной территории разных топонимических систем создает предпосылки для их объединения. Эти процессы интеграции происходили в последующие периоды развития топонимии. Общая государственность в виде Казахской ССР и независимого Казахстана, организация новых единых форм хозяйствования и экономических связей способствует этому.

Статья подготовлена в рамках научного проекта грантового финансирования «АР09261200 «Восточно-Казахстанское ономастическое пространство – основа культурно-генетического кода нации (на материалах Катон-Карагайского, Алтайского, Глубоковского районов (2021–2023 г.)».

Вклад авторов. *Адилова Жанар* – подбор литературы и работа по теме статьи, сбор топонимов, анализ и обобщение результатов исследования. *Сеитова Шынар* – анализ и обобщение результатов исследований, работа с текстом рукописи, обзор литературы.

Список литературы

1. Вайнрайх У. Языковые контакты. Состояние и проблемы исследования. – Киев: Вища шк., 1979. – 264 с.
2. Ярцева В.Н. Теория взаимодействия языков и работа У.Вайнрайха «Языковые контакты» // Вайнрайх У. Языковые контакты. Состояние и проблемы исследования. – Киев: Вища шк., 1979. – С.5–17.
3. Карлинский А.Е. Основы теории взаимодействия языков. – Алма-Ата: «Ғылым», 1990. – 180 с.
4. Керимбаев Е.А. Этнокультурные основы номинации и функционирования казахских собственных имен: автореф. дис. ...д. ф.н. – Алма-Ата, 1992. – 61 с.
5. Щербак А.М. Тюрко-монгольские языковые контакты в истории монгольских языков. – СПб: «Наука», 2005. – 195 с.
6. Рысбергенова К.К. Историко-лингвистический анализ топонимов Южно-Казахстанской области (на материале западных районов): автореф. дис. ...канд. филол.н. – Алматы, 1993. – 22 с.
7. Мадиева Г.Б. Гидронимия Восточного Казахстана [Электронный ресурс]. 2016. – URL: <https://dereksiz.org/gidronimiya-vostochnogo-kazahstana.html> (дата обращения: 10.04.2023).
8. Туймебаев Ж.К. Халха-монгольские лексические заимствования в баян-ульгейском говоре казахского языка // Вестник КАСУ. – 2009. – №2. – С.10–15.
9. Туймебаев Ж.К. Этимология этнонима ойрат // Вестник КАСУ. – 2009. – №2. – С.3–10.
10. Сахаров И. Путешествие боярского сына Федора Исакиевича Байкова в Китай в 1654 году // Сказания русского народа. [Электронный ресурс]. – URL: <https://viewer.rsl.ru/ru/rs101004460785?page=569&rotate=0&theme=white> (дата обращения: 10.04.2023).

11. Энциклопедия Китая. Статейный список посольства Ф.И.Байкова в Цинскую империю // Русско-китайские отношения в XVII в. [Электронный ресурс] URL:<https://www.abirus.ru/content/564/623/626/14338/16027/16037/16180.html> (дата обращения: 10.04.2023).
12. Энциклопедия Китая. Статейный список посольства. Комментарии. [Электронный ресурс]. - URL: <https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China//XVII/16401660/Bajkov/primtext1.htm#46> (дата обращения: 10.04.2023).
13. Санжеев Г.Д., Орловская М.Н., Шевернина З.В. Этимологический словарь монгольских языков. Т.3. Q–Z. - М.: ИВ РАН, 2018. – 240 с.
14. Древнетюркский словарь. – Ленинград: Наука, 1969. – 678 с.
15. Артыкбаев Ж.О. Огузско-кимакские топонимы на территории Среднего Прииртышья [Электронный ресурс]. – URL: <https://stom.tilimen.org/i-etnologiya.html?page=12> (дата обращения: 04.2023).
16. Гайдамашко Р.В., Чугаев Н.В. К вопросу о происхождении русских антропонимов с основами *ямыш-* и *емаш-*. // Вопросы ономастики. – 2016. – Т.13. - № 1. – С.62-84.
17. Воробьева И.А. Русская топонимия Алтая. - Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1983. – 256 с.
18. Кашина Н.П. Формирование топонимии Белозерья на основе местных географических терминов [Электронный ресурс] – URL: <https://www.booksite.ru/folk/data/kashina.pdf> (дата обращения: 10.04.2023).
19. Древнетюркский словарь. – Ленинград: Наука, 1969. – 678 с.
20. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / В 4-х томах. – М.: «Астрель», 2007.
21. Молчанова О.Т. Топонимический словарь Горного Алтая. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отд. Алтайского книжного изд-ва, 1979. – 398 с.
22. Чистов К.В. Русская народная утопия (генезис и функции социально-утопических легенд). - М.: «Дмитрий Буланин», 2011. -528 с.
23. Мальцев А.И. Беловодье // Православная энциклопедия. Т.4. – М., 2000 [Электронный ресурс] - URL: <https://www.pravenc.ru/text/77924.html> (дата обращения: 04.2023).
24. Списки населенных мест Семипалатинской губернии. // ЦДНИ. – Семей. -Ф.483. - Оп.2. - Д.35. - Л.62, Л.28-28 об.
25. Койчубаев Е. Краткий толковый словарь топонимов Казахстана. - Алма-Ата: «Наука», 1974. – 275 с.

References

1. Weinreich W. Yazykovye kontakty. Sostoyanie i problemy issledovaniya [Language contacts. State and problems of research] (Vishcha shkola, Kyiv, 1979, 264 p.) [in Russian]
2. Yarceva V.N. Teoriya vzaimodejstviya yazykov i rabota U.Vajnrajha «Yazykovye kontakty» [The theory of language interaction and the work of W. Weinreich “Language Contacts”], Vajnrajh U. Yazykovye kontakty. Sostoyanie i problemy issledovaniya [Weinreich W. Language Contacts. Status and research problems] (Vishcha shkola, Kyiv, 1979, P.5-17). [in Russian]
3. Karlinsky A.E. Osnovy teorii vzaimodejstviya yazykov [Fundamentals of the theory of interaction of languages] («Gylym», Alma-Ata, 1990,180 p.). [in Russian]
4. Kerimbayev E.A. Etnokul'turnye osnovy nominacii i funkcionirovaniya kazahskih sobstvennyh imen [Ethnocultural foundations of the nomination and functioning of kazakh proper names]. Abstract. dis... Doctor of Philology] (Alma-Ata, 1992, 61p.). [in Russian]
5. Sherbak A.M. Tyurko-mongol'skie yazykovye kontakty v istorii mongol'skih yazykov [Turkic-Mongolian language contacts in the history of the Mongolian languages] («Nauka», St. Petersburg, 2005, 195 p.). [in Russian]
6. Rysbergenova K.K. Istoriko-lingvisticheskij analiz toponimov Yuzhno-Kazahstanskoj oblasti (na materiale zapadnyh rajonov) [Historical and linguistic analysis of toponyms of the South Kazakhstan region (based on material from the western regions)]. Abstract. dis. Candidate of Philology] (Almaty, 1993, 22 p.) [in Russian]
7. Madiyeva G.B. Gidronimiya Vostochnogo Kazahstana [Hydronymy of East Kazakhstan]. 2016 [Electronic resource]. Available at: (Accessed: 10. 04.2023). [in Russian]
8. Tuimebaev Zh.K. Halha-mongol'skie leksicheskie zaimstvovaniya v bayan-ul'gejskom govore kazahskogo yazyka [Khalkha-Mongolian lexical borrowings in the Bayan-Ulgei dialect of the Kazakh language], Vestnik KASU [Bulletin of KAFU], 2, 10-15 (2009). [in Russian]

9. Tuimebaev Zh.K. Etimologiya etnonima ojrat [Etymology of the ethnonym oirat], Vestnik KASU [Bulletin of KAFU], 2, 3-10 (2009). [in Russian]
10. Sakharov I. Puteshestvie boyarskogo syna Fedora Isakievicha Bajkova v Kitaj v 1654godu [Journey of the boyar son Fyodor Isakievich Baikov to China in 1654], Skazaniya russkogo naroda [Tales of the Russian people]. [Electronic resource]. Available at: https://viewer.rsl.ru/ru/rs_l01004460785?page=569&rotate=0&theme=white (Accessed: 10.04.2023). [in Russian]
11. Enciklopediya Kitaya.Statejnyj spisok posol'stva F.I.Baikova v Cinskuyu imperiyu [Article list of the embassy of F.I. Baikov to the Qing Empire], Russko-kitajskie otnosheniya v XVIIv. [Russian-Chinese relations in the 17th century]. [Electronic resource]. Available at: (Accessed: 10.04.2023). [in Russian]
12. Enciklopediya Kitaya.Statejnyj spisok posol'stva. Kommentarii [Article list of the embassy. Comments.] [Electronic resource]. Available at: <https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/XVII/16401660/Bajkov/primtext1.htm#46> (Accessed: 10. 04.2023). [in Russian]
13. Sanzheyev G.D., Orlovskaya M.N., Shevernina Z.V. Etimologicheskij slovar' mongol'skih yazykov [Etymological Dictionary of Mongolian Languages] (Institute of Oriental Studies RAS, Moscow, 2018, 240 p.). [in Russian]
14. Drevnetyurkskij slovar [Ancient Turkic dictionary] (Leningrad, Science, 1969. 678p.) [in Russian]
15. Artykbayev Zh.O. Oguzsko-kimakskie toponimy na territorii Srednego Priirtysh'ya [Oguz-Kimak toponyms in the territory of the Middle Irtysh region.] [Electronic resource]. Available at: <https://stom.tilimen.org/i-etnologiya.html?page=12> (Accessed: 10.04.2023). [in Russian]
16. Gaidamashko R.V., Chugayev N.V. K voprosu o proiskhozhdenii russkih antroponimov s osnovami yamysh- i emash [To the question of the origin of Russian anthroponyms with the basics yamysh- and emash], Voprosy onomastiki [Questions of onomastics], 1. 13, 62-84 (2016). [in Russian]
17. Vorobyova I.A. Russkaya toponimiya Altaya [Russian toponymy of Altai] (Publishing House of Tomsk University, Tomsk, 1983, 256 p.). [in Russian]
18. Kashina N.P. Formirovanie toponimii Beloz'er'ya na osnove mestnyh geograficheskikh terminov [Formation of the toponymy of Belozerye on the basis of local geographical terms] [Electronic resource]. Available at: <https://www.booksite.ru/folk/data/kashina> (Accessed: 10.04.2023). [in Russian]
19. Drevnetyurkskij slovar [Ancient Turkic dictionary] («Nauka», Leningrad, 1969, 678 p.). [in Russian]
20. Fasmer M. Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka [Etymological dictionary of the Russian language]. In 4 vol. (Astrel, Moscow, 2007) [in Russian]
21. Molchanova O.T. Toponimicheskij slovar' Gornogo Altaya [Toponymical dictionary of Gorny Altai] (Gorno-Altai branch of the Altai book publishing house, Gorno-Altajsk, 1979, 398 p).
22. Chistov K.V. Russkaya narodnaya utopiya (genesis i funkcii social'no-utopicheskikh legend) [Russian folk utopia (genesis and functions of socio-utopian legends)] («Dmitrii Bulanin», Moscow, 2011, 528 p.). [in Russian]
23. Maltsev A.I. Belovod'e [Belovodye], Pravoslavnaya enciklopediya [Orthodox Encyclopedia]. Vol.4 (Moscow, 2000) [Electronic resource]. Available at: <https://www.pravenc.ru/text/77924.html> (Accessed: 10.04.2023). [in Russian]
24. Spiski naselennyh mest Semipalatinskoj gubernii [Lists of populated areas of the Semipalatinsk province], CDNI [DCCN]. Semey (F.483.- Inv.2.- C.35.- Sh.62, Sh.28-28 ob.)
25. Koichubaev E. Kratkij tolkovyj slovar' toponimov Kazahstana [Short explanatory dictionary of toponyms of Kazakhstan] («Nauka», Alma-Ata, 1974, 275 p.). [in Russian]

Ж.К. Адилова¹, Ш.Б. Сеитова²

¹Л. Н. Гумилев атындағы Еуразия Ұлттық Университеті, Астана, Қазақстан

²Alikhan Bokeikhan University, Семей, Қазақстан

ШЫҒЫС ҚАЗАҚСТАН ТОПОНИМДЕРІНІҢ ТАРИХЫ МЕН ТІЛДІК ЫҚПАЛДАСТЫҒЫ

Аңдатпа. Бұл мақалада тілралық байланыстар және олардың Шығыс Қазақстанның топонимикалық жүйесінің қалыптасу кезеңіндегі рөлі – ежелгі түркі және моңғол топонимиясының пайда болуынан XX ғасырдың басына дейін, негізгі қабаттар – түркі (қазақ) және үндіеуропалық (славян) қалыптасқан кезге дейін зерттеледі.

Мақаланың негізгі мәселесі осы қабаттардың қарым-қатынасының сипаты туралы мәселе болды, атап айтқанда: олар қалай құрылды және олардың қандай тілралық өзара әрекеттесуі қалыптасты, бұл қабаттар тілдік ұжымдар мен жалпы қоғамның тарихи даму жолында қалай байланысты болды.

Бұл сұрақтың жауабы аймақтың топонимикасының қазіргі жағдайын түсінуге көмектеседі, ондағы өзектендіру мен дамуды қажет ететін тірі, динамикалық аймақтар мен шиеленіс орталықтарын бөліп көрсетуге мүмкіндік береді.

Бұл зерттеуде біз белгілі бір кезеңде пайда болған, бір-бірімен өзара іс-қимыл жасап, көптеген шет тілдік негіздерді, ең алдымен моңғолдық негіздерді игерген негізгі түркі (қазақ) және славян (негізінен орыс) аймақтық топонимиясын қарастырамыз.

Аймақтық топонимика біртұтас көп компонентті жүйе ретінде дамыды. Мақала материалы Шығыс Қазақстанның топонимикалық жүйесінің бірлігі орыс-қазақ және қазақ-орыс билингвизмі аясында топонимдер мен тұтас топтардың қарыз алуында көрінетін ең кең тіларалық байланыстарға байланысты болды деген қорытынды жасауға мүмкіндік береді.

Түйін сөздер: тіларалық байланыстар, билингвизм, түркі-моңғол байланыстары, қазақ-орыс байланыстары, топоним, топонимикалық жүйе.

Zh.K. Adilova¹, Sh.B. Seiitova²

¹L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan

²Alikhan Bokeikhan University, Semey, Kazakhstan

History and language interactions of toponyms of East Kazakhstan

Abstract. This article examines interlanguage contacts and their role at the stage of formation of the toponymic system of East Kazakhstan – from the emergence of ancient Turkic and Mongolian toponymy to the beginning of the XX century, when the main strata – Turkic (Kazakh) and Indo-European (Slavic) - took shape.

The main issue of the article was the question of the nature of the relations of these strata, namely: how they were created and what interlanguage interactions formed them, how these strata correlated on the path of the historical development of language collectives and society as a whole. The answer to this question will help to understand the current state of the toponymy of the region, will allow it to identify living, dynamic areas and centers of tension that require updating and development.

In this study we will consider as the main Turkic (Kazakh) and Slavic (mainly Russian) regional toponymy, which emerged at a certain stage, developed, interacting with each other and incorporating numerous foreign language bases, primarily Mongolian.

The regional toponymy has developed as a single multicomponent system. The material of the article allows us to conclude that the unity of the toponymic system of East Kazakhstan was due to the widest interlingual contacts, manifested in the borrowings of toponyms and entire groups against the background of Russian-Kazakh and Kazakh-Russian bilingualism.

Keywords: interlanguage contacts, bilingualism, Turkic-Mongolian ties, Kazakh-Russian contacts, toponym, toponymic system.

Сведения об авторах:

Адилова Ж.К. – магистр гуманитарных наук, Евразийский национальный университет имени Л.Н.Гумилева, Астана, Казахстан.

Сеитова Ш.Б. – д.ф.н., профессор, Alikhan Bokeikhan University, Семей, Казахстан.

Adilova Zh.K. – Master Arts in Humanities, L.N.Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan.

Seiitova Sh.B. – Doctor of Philology, Alikhan Bokeikhan University, Semey, Kazakhstan.

Copyright: © 2024 by the authors. Submitted for possible open access publication under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY NC) license (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>).